

УДК 81'27(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-50-67

Коммуникативные диссонансы в повседневных практиках Петровской эпохи

Дмитрий А. Редин

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия, volot@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется речевая ситуация, возникшая в ходе общения разыскной канцелярии Г.И. Кошелева и двинских земских бурмистров (1716 г.), привлеченных в качестве свидетелей по расследованию служебных злоупотреблений архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова и кн. М.И. Волконского, первого следователя по «архангелогородскому делу». Автор доказывает, что между коммуникантами возник эффект семиотического «неузнавания», или коммуникативного диссонанса, обусловленного тем, что представители земских миров использовали традиционный язык земских актов допетровской эпохи, а следователи пытались говорить с ними на формирующемся языке рациональной политической культуры, порожденном ситуацией Петровских реформ. Рассмотренный случай направлен на понимание коммуникативных проблем, возникавших в ходе рутинной повседневности, в которой жили и взаимодействовали рядовые современники реформ.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, коммуникативный диссонанс, Петровские реформы, Г.И. Кошелев, А.А. Курбатов, М.И. Волконский, бурмистры, земское самоуправление

Для цитирования: Редин Д.А. Коммуникативные диссонансы в повседневных практиках Петровской эпохи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 50–67. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-50-67

Communicative dissonances in everyday practices of the Petrine era

Dmitrii A. Redin

*Institute of History and Archeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia,
volot@mail.ru*

Abstract. The article studies the speech situation that arose during the communication between the detective's office of G.I. Koshelev and the Dvinsky zemstvo burmasters (1716), who were brought as witnesses to investigate the official abuses of the Archangelogorod vice-governor A.A. Kurbatov and Prince M.I. Volkonsky, the first investigator in the "Archangelogorod case". The author proves that the effect of semiotic "unrecognition", or communicative dissonance, arose between the communicants. That effect was due to the fact that representatives of the Zemstvo worlds used the traditional language of the Zemstvo acts of the pre-Petrine era, and the investigators tried to speak to them in the emerging language of rational political culture generated by the situation of Peter's reforms. The considered case is aimed at understanding the communication issues that arose during routine everyday life, in which ordinary contemporaries of the reforms lived and interacted.

Keywords: communicative situation, communicative dissonance, Peter's reforms, G.I. Koshelev, A.A. Kurbatov, M.I. Volkonsky, burmasters, zemstvo self-government

For citation: Redin, D.A. (2023), "Communicative dissonances in everyday practices of the Petrine era", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 50–67, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-50-67

I

Одним из знаковых проявлений Петровских реформ стал культурный раскол внутри российского общества, имевший отчетливо выраженный социально-статусный «водораздел» и затронувший самые разные сферы жизни: от бытового поведения до дворцового церемониала, от трансформаций языковых/речевых практик до отношения к церковной традиции¹. Семиотический характер

¹ Литература по всем аспектам культурных последствий Петровских реформ слишком обширна, чтобы привести ее в настоящей статье. Отмечу лишь некоторые труды: [Лотман 2000, с. 13–348; Живов 2004; Агеева 2006; и др.].

преобразований очевиден; среди прочего, он проявился в «разбалансировке» коммуникативного порядка, в языковой «неузнаваемости», так или иначе обнаруживавшей себя в процессе взаимодействий различных социальных групп. В самом упрощенном смысле можно говорить о коммуникативном диссонансе между элитными и профанными слоями населения («дворянством» и «народом»²), хотя обращение к аутентичным источникам показывает, что «границы непонимания» пролегли по более прихотливым и разнообразным траекториям.

Коммуникация лежит в основе организации социума, а сама культура есть результат общественных взаимодействий, порожденная ими знаковая система, бесконечное множество текстов, вербальных и невербальных, возникающих в процессе социальных интеракций, «организованные системы значимых символов», по определению Клиффорда Гирца [Geertz 1973, p. 46]. Такое понимание взаимосвязей в системе «социум – культура – текст – социум» дает возможность целостного прочтения тех или иных конкретных действий, совершаемых людьми, и расшифровки их мотиваций. Культурологический, по сути своей, подход, показавший свою продуктивность в исторических исследованиях, ярким свидетельством чего являются, в частности, труды отечественных исследователей семиотики культуры.

Если вернуться к затронутой выше проблеме коммуникативных диссонансов, возникших в ходе Петровских реформ, то их выявление и осмысление возможно не только с помощью анализа и интерпретации программных текстов творцов и проводников реформ, с одной стороны, и их оппонентов – с другой – того массива манифестов, указов, панегириков, церковных проповедей, трактатов и поучений [Гурвич 1915; Лаппо-Данилевский 2005; Просина 1969; Marker 1985; Белякова 2011; Perrie 2021; Журавель 2022; и многие другие], и не только с помощью обращения к практикам противостояния нововведениям в бытовой сфере (например, к протестным движениям против бородбрития или ношения «немецкого платья» [Покровский 1974; Акельев 2022]), т. е. к феноменам во многом элитарным или экстраординарным, но и к ситуациям коммуникативного «непонимания», возникавшим в ходе рутинной повседневности, в которой жили и взаимодействовали рядовые современники реформ.

² Беру эти слова в кавычки, поскольку каждое из них очень условно и при их осмыслении обнаруживает множество нюансов.

Понятие повседневности оказывается сложнее семантической трактовки самого слова³ и уж конечно не сводится только к бытовой стороне жизни человека. Думается, что, говоря о повседневности, или о повседневных практиках, вполне возможно воспринимать их в духе определения, предложенного О.И. Тогоевой, как «коллективные традиционные действия» [Тогоева 2015, с. 3] в любых их проявлениях. Впрочем, и последние оказываются трудноуловимыми в рамках конкретно-исторического исследования, о чем рассуждал А.Л. Юрганов, формулируя термин «модусы повседневности», понимая под таковыми «направления, по которым раскрываются лишь *те или иные аспекты* (курсив мой. – Д. Р.) осмысленной повседневности» [Юрганов 2022, с. 11]. При этом историк задавался вопросом, насколько подобная выявленная исследователем «повседневность» является таковой: «не приписываем ли мы ей дополнительные коннотации или наоборот – не ограничиваем ли ее возможную природную амбивалентность?» [Юрганов 2022, с. 11]. По сути, в этом вопросе раскрывается все та же проблема коммуникативного «(не)понимания», только поставленная в ретроспективную позицию межсубъектного диалога современного историка-исследователя и индивида ушедшей эпохи; диалога вне прямого контакта, диалога, опосредованного текстом-источником. Эта ситуация, хорошо известная любому гуманитария, лишенному возможности непосредственного наблюдения, ситуация поиска «правильного сочетания трезвости и фантазии», как не без иронии охарактеризовал ее Иммануил Валлерстайн [Валлерстайн 2003, с. 167]. Подобные ситуации тем не менее возникали и между современниками, вынужденными, в силу тех или иных обстоятельств, говорить друг с другом «на разных языках» в процессе отправления своих рутинных повседневных обязанностей. Как уже отмечалось выше, обстановка петровских преобразований чрезвычайно тому способствовала. Одному показательному в этом смысле сюжету и посвящена настоящая статья.

³ Толковый словарь русского языка возводит существительное «повседневность» во втором его значении (быт, бытовая сторона жизни) к прилагательному «повседневный» во втором же значении: бытовавший всегда, обычный (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2005. С. 529).

II

В феврале 1713 г. архангелогородский вице-губернатор (а фактически – губернатор) Алексей Александрович Курбатов, бывший государев «прибыльщик», инициатор введения в России гербовой бумаги, бывший глава Ратуши, контролировавшей в свое время значительную часть государственных финансов, подал царю Петру доношение о широкомасштабной преступной деятельности братьев Осипа и Дмитрия Соловьевых. Обвинения Курбатова в адрес Соловьевых были обоснованы. Осип Алексеевич Соловьев, назначенный в 1707 г. царским комиссаром в Амстердам для продажи поступавших туда казенных товаров из России, и Дмитрий Алексеевич Соловьев, с 1710 г. в качестве обер-комиссара контролировавший в Архангельске закупку и отправку на реализацию в Голландию хлеба, льна, пеньки и прочей значимой экспортной продукции, сколотили, по справедливому определению Д.О. Серова, «международную преступную группу» [Серов 2007, с. 186], занимающуюся контрабандой и прямыми хищениями государственного имущества. Ущерб, нанесенный государству предприимчивыми братьями, оказался колоссальным. По итогам расследования в 1718 г. начет на них составил 709 620 руб., а оценка имущества, подлежавшего по указу царя от 11 января 1719 г. конфискации, составила 407 447 руб. [Серов 2007, с. 198]⁴. Впрочем, речь в нашем случае идет не о судьбе Соловьевых, а о тех последствиях, которые повлекло за собой доношение Курбатова в отношении него самого.

Дело в том, что махинации Соловьевых (бывших холопов царского дяди Л.К. Нарышкина), да и собственно их карьерное продвижение были обусловлены покровительством кн. А.Д. Меншикова и некоторых других высокопоставленных сановников (в частности, сенатора М.М. Самарина), занимавшихся незаконными финансовыми операциями. Попытки А.А. Курбатова инициировать судебное преследование братьев Соловьевых оказались, таким образом, угрозой для разоблачения их высоких патронов, в первую очередь – всемогущего Меншикова. Это роковым образом сказалось на судьбе архангелогородского вице-губернатора. Назначенная летом 1713 г. разыскная комиссия лейб-гвардии майора кн. М.И. Волконского повернула дело таким образом, что главным обвиняемым стал не Д.А. Соловьев, а сам Курбатов.

Дело Курбатова «о его ссорах с Соловьевым» (архангелогородским обер-комиссаром Дмитрием) на протяжении нескольких

⁴ Учитывая, что общая сумма государственного дохода в 1710–1724 гг. составляла от чуть более 3 до 8,5 млн руб. [Бескровный 1958, с. 118].

лет переходило из рук в руки различных следственных канцелярий, то объединяясь в одно производство, то разделяясь в качестве самостоятельных дел. Именным указом от 27 января 1716 г. оно оказалось в руках разыскной канцелярии лейб-гвардии капитана и полковника Герасима Ивановича Кошелева. Надо заметить, что первый следователь, ведший розыск, кн. М.И. Волконский, сам оказался под следствием канцелярии Кошелева⁵ и закончил жизнь на эшафоте 9 декабря 1717 г. за допущенные во время расследования служебные злоупотребления и взяточничество⁶. Г.И. Кошелев и секретарь его канцелярии дьяк Ф.Д. Воронов взялись за дело, в отличие от своего предшественника, энергично и непредвзято, что подтверждал и сам подследственный – А.А. Курбатов [Письма и бумаги 2023, с. 479]. Сосредоточив основное внимание на Соловьевых, Кошелев и Воронов тем не менее пытались разобраться и «в винах» Курбатова, затребовав из канцелярии кн. Волконского все материалы, собранные им по этому поводу. В результате среди полученных документов в распоряжении канцелярии Г.И. Кошелева оказались показания архангелогородских земских бурмистров Семена Дудина и Ивана Ушакова, занимавших должности в 1711 и 1713 гг. соответственно. На основании этих показаний кн. Волконский выдвинул против А.А. Курбатова обвинение в вымогательстве взяток с населения Двинских посадов; обвинение, ставшее в дальнейшем одним из весомых в перечне из 12 «дел», или, как сказали бы сегодня, следственных эпизодов, доказывавших финансовые злоупотребления самого Курбатова [Серов 2007, с. 199]. Обнаруженные нами подлинные документы канцелярии Г.И. Кошелева⁷, отражающие расследование эпизода по получению архангелогородским вице-губернатором «почестных харчевых припасов» с посадских людей в 1711–1713 гг., не только позволяют выявить множество любопытных деталей взаимодействия коронной и земской властей, механизмы функционирования губернского бюджета в Петровское царствование, но дают материал для размышлений о коммуникативных ситуациях эпохи.

⁵ До Г.И. Кошелева следствие по делу кн. Волконского вела канцелярия лейб-гвардии подполковника и генерал-майора кн. В.В. Долгорукова. Но поскольку В.В. Долгоруков в составе свиты Петра I в 1716 г. отправился в длительное зарубежное путешествие, дела его канцелярии, в том числе дело Волконского, перешли в ведение Г.И. Кошелева.

⁶ Подробнее о биографии А.А. Курбатова и деятельности следственных комиссий по делу Курбатова–Соловьевых см.: [Серов 2007, с. 172–214; Серов, Федоров 2019, с. 58–71, 115–125, 195–209].

⁷ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 2–34 об.

III

Ключевыми в расследовании указанного эпизода стали несколько документов. Во-первых, сводная, основанная на мирских расходных книгах, ведомость, фиксировавшая платежи, осуществляемые Двинскими посадами за три года (1711–1713) по различным статьям, погодно и суммарно. Во-вторых, объяснения самих земских бурмистров Дудина и Ушакова по поводу расходов и копия письменного приговора уездного земского схода 1711 г., подтверждавшего законность расходов.

Ведомость, или табель, как она названа в деле⁸, заслуживает специального источниковедческого анализа. Но в нашем случае будет достаточно рассмотреть ее структуру по укрупненным рубрикам. Открывается она перечнем расходов на содержание вице-губернатора А.А. Курбатова, его сына, певчих (!), денщиков и дворни. Суммарно за три года на эти цели двинское земство издержало 1100 руб. 2 алтына и 5,5 деньги наличными и «харчевыми припасами». К этой статье, видимо, следует прибавить следующую за ней: расход на продовольствие для «вице ж губернатора камисаром, дьяком, подьячим» общей суммой 900 руб. 17 алтын 4 деньги. Вероятно, речь идет о штате *личной канцелярии* Курбатова⁹, поскольку расходы на обеспечение различных губернских чинов, в том числе сотрудников губернской канцелярии, означены далее. Это две укрупненные рубрики, в одной из которых сгруппированы в качестве адресатов подношений три комиссара, провиантмейстер и подьячие губернской канцелярии, а также расходы на оплату их проживания («за постой дворов») и покупку свечей, труда работников, «которые работали на дворах начальных людей» и возку льда в погребы «на губернаторской, на дьяческие и на подьяческие дворы». Неожиданно в этой рубрике возникает расход на оплату работным людям, которые работали «на дворе светлейшего князя», т. е. А.Д. Меншикова (всего на 972 руб. 23 алтына 4,5 деньги). В другой зафиксированы траты на содержание местного фискалитета (обер-фискала и двух фискалов), сторожей и посыльных

⁸ Там же. Л. 3 об. – 9 об.

⁹ Личные, или походные, канцелярии имелись у ряда губернаторов первых петровских губерний: ингерманландского/санкт-петербургского (кн. А.Д. Меншикова), казанского (П.М. Апраксина), сибирского (кн. М.П. Гагарина). Наличие таких канцелярий было обусловлено обширностью управляемых ими территорий и частыми разъездами; личные канцелярии позволяли поддерживать оперативную связь со «стационарными» губернскими структурами.

губернской канцелярии и вообще посыльных, направляемых по некоторым казенным надобностям от губернии (общим итогом на 140 руб. 18 алтын 5 денег). Следующая рубрика содержит информацию о «приносах» правящим архиереям (архиепископам Рафаилу и сменившему его в 1713 г. Варнаве), архимандриту и братии Соловецкого монастыря и старшим офицерам архангелогородского гарнизона (общим итогом на 422 руб. 27 алтын 1 деньгу). Специфическим выглядит мирской расход на содержание кречетного промысла, обеспечивавшего ловчими птицами царский двор. Общая сумма расхода по этой статье несколько превышает сумму трехлетнего содержания А.А. Курбатова с сыном и их людей, составляя 1188 руб. 19 алтын 2 деньги. Следующая укрупненная рубрика фиксирует расход на содержание «приезжим» – всякого рода командированным в губернию представителям центральных учреждений и отдельных сановников (кн. А.Д. Меншикова, фельд-маршала Б.П. Шереметева, кн. П.А. Голицына) на общую сумму 305 руб. 20 алтын 1 деньга. И завершает таблицу самая обширная статья расходов на мирские нужды, преимущественно на содержание органов и служителей мирского самоуправления, ремонт земских строений и мостовых, траты, связанные с отправлением обязательных натуральных повинностей (вроде сопровождения рекрутов), и т. п.

Бурмистров Семена Дудина и Ивана Ушакова дважды вызывали в Петербург для дачи показаний. Первый раз в 1715 г., в канцелярию кн. М.И. Волконского, в связи с расследованием по делу А.А. Курбатова. Второй раз в 1716 г., в канцелярию кн. В.В. Долгорукова, уже по расследованию злоупотреблений самого Волконского. Оба бурмистра, вынужденные за свой счет и подолгу проживать в столице, недоумевали, зачем их там держат – ведь они дали показания в первый приезд, причем, вероятно, эта процедура не заняла много времени. Они обратились с челобитной в канцелярию Г.И. Кошелева с просьбой отпустить их домой, поскольку за обе поездки они «испрожились, а впредь им пити и есть нечего»¹⁰. Не исключено, что земских выборных беспокоила возможная перспектива быть затянутыми в трясины следственных процедур или, чего доброго, оказаться среди обвиняемых. Поэтому одним из лейтмотивов их показаний и челобитных стало уверение в том, что все «почестные подносы» они носили «по прежнему обыкновению и по мирским приговорам... и в том от мирских людей никакова спору и челобитья на них нет и не бывало»¹¹.

¹⁰ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

Следует заметить, что представленная выше табель зафиксировала отнюдь не одни лишь «почетные подносы». Даже из обзора ее укрупненных рубрик видно, что значительная, если не большая часть расходных статей двинского земства была направлена на финансирование разнообразных государственных потребностей; даже расходы на собственно мирские нужды обеспечивали содержание различных коронных агентов и отправление натуральных повинностей. Все это традиционно составляло расходную часть мирских бюджетов вообще и посадских в частности, что в свое время детально описал и проанализировал А.А. Кизеветтер¹². Можно сказать, что в условиях петровской мобилизационной системы фиска губернский аппарат просто не мог бы функционировать без активной и постоянной финансовой поддержки земского самоуправления. Отчего же земские двинские бурмистры делали акцент именно на «почетных подносах», оправдываясь именно за них?

Очевидно, что этот смысловой акцент в их текстах был задан самим следствием. Кн. Волконского в разбирательстве дела А.А. Курбатова не интересовали *земские расходы вообще*, равно как и степень их законности или незаконности. Ему важно было уличить Курбатова в том, что он обогащался за счет посадских тягловцев, а Г.И. Кошелева, в первую очередь, возможные процессуальные нарушения предшественника. В этом и состояла специфика коммуникационной ситуации, то взаимное непонимание, которое возникло между следователями и двинскими бурмистрами.

IV

Несомненно, стороны говорили на разных языках. Ключевым моментом здесь являлось различие в квалификации земских расходов. С точки зрения мирских выборных, показанные расходы были *обычными*, освященными вековой практикой и абсолютно легитимными. Как справедливо писал А.А. Кизеветтер, «...посадский мир был свободен в распоряжении собираемыми суммами в отношении порядка их сбора и перечисления поступлений по одному сбору за счет другого»¹³. На это обстоятельство ссылались и двинские земские бурмистры Дудин и Ушаков, резонно заявляя, что «те вышеписанные росходы держали *по мирским приговорам*

¹² Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Университетская тип., 1903. С. 537–569.

¹³ Там же. С. 569.

*и по прежнему издревле обыкновению»*¹⁴. В этой фразе, записанной в канцелярии Кошелева со слов бурмистров, ясно указано на два источника правомочности их действий: старину и мирской приговор. Ссылка на старину являлась одной из древнейших норм обычного права, основанием возникновения права собственности (давность), способом доказательства прав, в том числе на распоряжение имуществом. Мирской приговор, особенно письменный приговор уездного земского съезда, подкрепленный рукоприложениями всех мирских уполномоченных – старост, сотских, выборных людей, или посыльчиков, как называли этих делегатов на Русском Севере, являлся высшим актом всеуездного мира¹⁵. Копию такого приговора, дававшего земскому бурмистру широкие полномочия по распоряжению мирской кассой, представил в канцелярию Кошелева Семен Дудин¹⁶. На наличие такой же «скаска», то есть уездного приговора «за руками мирских людей», указал Иван Ушаков, пояснив, что она «на земском дворе осталась» (в Архангелогородской земской избе)¹⁷. Примечательно, что легитимность мирских приговоров традиционно признавалась и государством, но в разбираемом нами прецеденте коронные агенты – следователи, не оспаривая в целом земских актов и не выдвигая обвинений против самих бурмистров, все-таки усмотрели в самом факте подношений денег и продуктов А.А. Курбатову и его окружению криминал. На чем же основывалась такая квалификация действия?

Судя по всему, следствие (и в первую очередь кн. М.И. Волконский) стремилось подвести Курбатова под обвинение взимания так называемых неуказных сборов. Понятие «неуказные сборы» и связанное с ним понятие «необычные расходы» («ненужные расходы») появились в делопроизводственном языке отечественных канцелярий в самые острые годы финансовых затруднений казны. Правовая основа для пресечения «ненужных расходов» была заложена сенатским указом от 13 апреля 1711 г., написанного в развитие так называемых Высочайших пунктов от 2 марта 1711 г., в частности п. 2, касавшегося надзора за государственными расходами. В нем шла речь о проведении ревизии губернских расходов за 1710 г. в целях выявления «ненужных и напрасных расходов» и о принятии мер, не допускавших таковые впредь. Но касался этот указ контроля за окладными и неокладными сборами, то есть за рас-

¹⁴ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 13.

¹⁵ *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 229.

¹⁶ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 10–10 об.

¹⁷ Там же. Л. 13.

ходованием средств, поступающих от сбора налогов и платежей¹⁸. В фискальной неразберихе Петровского царствования местные власти могли по своей инициативе, без санкции центра налагать на податное население дополнительные сборы под видом казенных платежей как для собственного обогащения, так и для содержания управленческого аппарата. Отсюда исходили попытки высшей и центральной власти пресечь подобные «неуказные сборы», которые подрывали платежеспособность тягла и выводили средства из казенного оборота. Законодательно эти попытки были оформлены лишь в 1720 г., когда на свет появился именной указ (от 10 февраля), повелевавший объявлять о сборе тех или иных податей только посредством печатных указов, «чтоб всяк о тех зборех подлинно был сведом и никому б нельзя было прибавить или убавить»¹⁹. Но, разумеется, в рассматриваемый нами период подобной ясности законодательство не предоставляло. Для ситуации 1716 г. мог быть актуален другой указ – от 24 декабря 1714 г., касавшийся «повреждения государственного интереса», провозглашавший, «дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа брать торгом, подрядом и прочими вымыслы, какого б звания оные и манера ни были, ни своим, ни посторонним лицом, кроме жалованья, тако ж от дел...»²⁰. Но, строго говоря, речь в нем шла именно о *посулах*, т. е. взятках – частных подношениях должностным лицам, побуждающим их к противоправным действиям в пользу взяточдателей, или поборов, связанных с вымогательством подношений, и о запрете кормлений «от дел», а не о «почестях» («честных приносах») ²¹. Последние не были криминализованы в то время, в отличие от посулов; государство смотрело на «почестные приношения» сквозь пальцы как на давнюю традицию кормлений, не легализуя таковые, но и не особо пресекая. Грань между посулом и «почестью» была очень тонка, законодательно неопределенна, и признание «почести» криминальным посулом, или взяткой, зависело от конкретной ситуации. Даже те из администраторов, которые сами возглавляли следственные органы, преследовавшие казнокрадов, вроде упоминавшегося кн. В.В. Долгорукова, не видели греха в получении «почестей». В одном из писем кабинет-секретарю А.В. Макарову (от 14 января 1718 г.) князь Василий высказался на этот счет вполне определенно.

¹⁸ ПСЗ. Т. 4. № 2362.

¹⁹ Там же. Т. 6. № 3515.

²⁰ Там же. Т. 5. № 2871.

²¹ О тонких различиях между многочисленными понятиями, маркировавшими различные формы частных вознаграждений должностных лиц в Петровскую эпоху см.: [Редин 2019, с. 139–209].

«Изволь милостиво разсудить, – писал князь, – хотя б кто меня в чем и подарил, а бес повреждения интересу государственного, мне кажетца, всякой в своем добре волен. Как я людей дарил, так и меня даривали, и впредь то будет»²². Такого же мнения придерживались и тяглецы, готовые приносить «корм» чиновникам в рамках установившейся традиции и восстававшие против только в тех случаях, когда начальство превышало некий «порог дозволенного», вымогая дополнительную мзду сверх того, что был готов платить мир. Наши бурмистры прекрасно чувствовали грань этого дозволенного и, очевидно, были знакомы с понятием «повреждения государственного интереса», когда писали следователю Г.И. Кошелеву, что в случае с Курбатовым «спору... о тех вышеписанных расходах от мирских людей и ни от кого нет, для того, что оным живут из мирских сборов повсягодно, а не из ынтересов царского величества... и живут те расходы у них издревле»²³.

В этой фразе ее авторы подчеркивали еще одну важную деталь: все зафиксированные в табели (и, соответственно, в расходных книгах) выплаты и «приносы» делались из мирских денег не в ущерб тем налогам и платежам, которые Двинские посады несли отдельно. Земские бурмистры очень осторожно, мы бы сказали корректно, давали понять следователям *разницу между государевыми и мирскими деньгами*, тратить которые они могли в соответствии с земским приговором совершенно свободно. Этот аргумент делал несостоятельными попытки обвинить А.А. Курбатова во взяточничестве, или «лихоимании», даже опираясь на нормы указов 1711 и 1714 гг. Он не вымогал себе и своим людям «корма». Он не присваивал (в данной ситуации) казенных средств и не предоставлял за посулы никаких преференций бурмистрам на совершение каких-либо противоправных действий. Следствию оставалось лишь просто на свое усмотрение переqualифицировать получение Курбатовым «почестных подносов» во взятку, не принимая в расчет решений всеуездного земского съезда и свободно толкуя расплывчатые нормы существовавшего на тот момент законодательства, что было вполне *обычной* практикой в аналогичных ситуациях эпохи. Характерно, что при этом – подчеркну еще раз – обвинений против самих бурмистров в их «приносах» выдвинуто не было и в конце концов их отпустили домой. Внимание Г.И. Кошелева переключилось на кн. М.И. Волконского, в действиях которого полковник усмотрел ряд упущений, и дальнейшее развитие следствия по расследованию эпизода о «почестных подносах» пошло уже без свидетельств мирских выборов.

²² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 335–335 об.

²³ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 15 об.

V

Приведенный эпизод демонстрирует культурные и языковые различия в диалоге представителей двинского земства и следователей. Для земских бурмистров слова «издревле», «почетные подносы», «мирской приговор» являлись не только и даже не столько юридическими понятиями, сколько символами; они, пользуясь сегодняшними терминами, несли семиотическое значение и одновременно отражали их обычную, повседневную практику, которая повторялась из раза в раз «повсюдно» с незапамятных времен²⁴. Ни Дудину с Ушаковым, ни уполномочившим их посадским выборным, в сущности, не надо было никаких других слов или аргументов. Символическая суть устойчиво употребляемых слов, на основе которых держалась сама структура общинного языка, не требовала обращения к пунктам артикулов и указов, этих лексических кодов нового времени, не проникавших в толщу мирских отношений и в общем-то чуждых им, избыточных по существу. Тексты показаний/объяснений земских бурмистров и выборных людей, составивших свой приговор, – это отточенная и структурированная речь субъекта общественных отношений²⁵, которую понимал и принимал в допетровскую пору другой субъект – официальная государственная власть. В их текстах – и это важно подчеркнуть – не было ни намека на поддержку обвиняемого А.А. Курбатова, поскольку они были не об этом, а об *обычности и легитимности* действий С. Дудина и И. Ушакова как представителей воли коллективного субъекта: мира-общины. В этот смысловой и символический контекст органично вписывались расходы на «почетные подносы». Их обыденность и законность традиционно признавались государством в допетровскую эпоху и в ранние годы единодержавного правления Петра [Енин 2000, с. 306, 310], поэтому земские бурмистры имели полное основание недоумевать по

²⁴ Ср.: «Согласно основному тезису лингвокультурологии, язык осуществляет семиотизацию культурных смыслов, берущих начало в глубине веков, но когнитивно релевантных современному языковому сознанию. <...> На знаки языка и культуры, служащие проводниками в национальное мировидение, ориентируется обыденное сознание; они являются своего рода формами объяснения действительности, с ними связаны программы деятельности и поведения, культурные прескрипции» [Бартминьски, Безрезович, Вепрева 2021, с. 1397].

²⁵ Об устойчивых формулах и оборотах, составлявших речевую структуру земских актов Русского Севера XVII в., см.: [Швейковская 2012, с. 251–290].

поводу интересов следствия к этой статье расходов, *неотделимых* в их представлениях *от земских расходов вообще*.

В иной речевой манере был представлен текст следственных документов. Их язык еще неустойчив ни с нормативно-юридической, ни с семиотической позиций. Интенционно опираясь на немногочисленные и слабо проработанные законодательные акты (не упоминая их напрямую), следователи старались *менять цель* коммуникативной ситуации²⁶. Не выдвигая обвинений против земства и в целом не оспаривая их прав на распоряжение мирскими деньгами, они подменяли аксиологию понятия «почетные подносы», криминализируя его, придавая негативную коннотацию, при этом не отказываясь от употребления самого понятия (не маркируя его относительно новым термином «взятка» или старым термином «посул»). Более того, если первая следственная канцелярия кн. М.И. Волконского преследовала цель вменить получение «почетных подносов» как незаконных А.А. Курбатову, то следственная канцелярия Г.И. Кошелева совершала новую смену цели: найдя в действиях предшественника неточности в снятых показаниях (в частности, небрежно составленную сводную таблицу земских расходов, обнаружившую неправильный подсчет общих сумм) и процедурные нарушения в их оформлении, они обращали показания земских бурмистров против кн. Волконского. Использование устойчивого термина «почетные подносы» с одновременной заменой его семиотического статуса при одновременном *неиспользовании* иных, новых терминов свидетельствует, кроме прочего, о переходном характере языка повседневных практик ранней петровской бюрократии, в том числе – представителей органов следствия, не выработавшем еще собственной языковой системы.

Этот своеобразный диалог, рожденный в переходной ситуации петровских преобразований, дает, как представляется, еще один пример коммуникативного диссонанса, непонимания сторон, *говоривших о разном на разных языках*. В конечном итоге каждый из участников диалога остался при своем. Земские бурмистры отстаивали свою позицию, отделившись лишь расходами на длительное и, с их точки зрения, неоправданное проживание в столице, а следствие с помощью смены цели коммуникативной ситуации добилось и дополнительного пункта обвинения А.А. Курбатова («почетные подносы» все-таки вошли в состав окончательного заключения), и существенного пункта обвинения неправомочных действий кн. М.И. Волконского (частичной фальсификации дела против Курбатова [Серов, Федоров 2019, с. 68]).

²⁶ О значении цели как элемента структуры коммуникативной ситуации см.: [Беликов, Крысин 2001, с. 40–43].

Литература

- Агеева 2006 – *Агеева О.Г.* Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. М.: ИРИ РАН, 2006. 264 с.
- Акельев 2022 – *Акельев Е.В.* Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионеров «москвитов». М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.
- Бартминьски, Березович, Вепрева 2021 – Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы / Е. Бартминьски, Е. Березович, И. Вепрева, М. Ковшова, А. Шмелев // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1389–1408. DOI 10.15826/qr.2021.4.645
- Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 316 с.
- Белякова 2011 – *Белякова Е.В.* Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // *Российская история*. 2011. № 4. С. 103–113.
- Бескровный 1958 – *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1958. 645 с.
- Валлерстайн 2003 – *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
- Гурвич 1915 – *Гурвич Г.Д.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1915. X, 112 с.
- Енин 2000 – *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII в.: содержание населения уезда государственного органа власти. СПб.: Изд-во РНБ, 2000. 351 с.
- Живов 2004 – *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого: исследование и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 360 с.
- Журавель 2022 – *Журавель О.* Искусство проповеди Андрея Денисова: риторические стратегии и приемы // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 4. С. 1377–1393. DOI 15826/qr. 2022. 4.735
- Лаппо-Данилевский 2005 – *Лаппо-Данилевский А.С.* История политических идей в России в XVIII в. в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисл. М.Ю. Сорокиной; подгот. текста М.Ю. Сорокиной при участии К.Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн, 2005. XXXII, 462 с.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX в. // *Из истории русской культуры*. Т. 4: XVIII – начало XIX в. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–348.
- Письма и бумаги 2023 – Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы) / Науч. ред. Д. Серов, А. Видничук, А. Жуковская, И. Федюкин; подгот. текстов Д. Серов, А. Видничук; вступ. ст. Д. Серов, А. Жуковская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 535 с.
- Покровский 1974 – *Покровский Н.Н.* Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.
- Просина 1969 – *Просина А.Б.* Апология абсолютизма в учении Феофана Прокоповича о государстве и праве // *Вестник Московского ун-та. Серия 11: Право*. 1969. № 2. С. 52–59.

- Редин 2019 – Редин Д.А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019. 284 с.
- Серов 2007 – Серов Д.О. Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2007. 288 с.
- Серов, Федоров 2019 – Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. группа «Юрист», 2019. 432 с.
- Тогоева 2015 – Тогоева О. История повседневности: в поисках проблематики // Повседневные практики Средневековья и Нового времени: от информации уникальной к информации верифицируемой / Отв. ред. О.И. Тогоева. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 3–8.
- Швейковская 2012 – Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М.: Индрик, 2012. 368 с.
- Юрганов 2022 – Юрганов А.Л. Жизненный мир и модусы повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 10–14.
- Geertz 1973 – Geertz C. The interpretation of culture. Selected essays. N.Y.: Basic Books, 1973. 470 p.
- Marker 1985 – Marker G. Publishing, printing and the origins of the intellectual life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985. 316 p.
- Perrie 2021 – Perrie M. Peter the Great as antichrist. The secular sources of an old believer compilation from Holy Scripture // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. Iss. 1. P. 281–294. DOI: 15826/qr. 2021. 1.579

References

- Ageeva, O.G. (2006), *Evropeizatsiya russkogo dvora, 1700–1796 gg.* [Europeanization of the Russian court, 1700–1796], IRI RAN, Moscow, Russia.
- Akel'ev, E.V. (2022), *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat millionov "moskovitov"* [Russian Misopogon. Peter I, barbering and ten million "Muscovites"], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Bartmiński, J., Berezovich, E., Vepreva, I., Kovshova, M. and Shmelev, A. (2001), "The interaction of language and culture. Research boundaries and perspectives", *Quaestio Rossica*, vol. 9, no. 4, pp. 1389–1408, DOI 10.15826/qr.2021.4.645
- Belikov, V.I. and Krysin, L.P. (2001), *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], RGGU, Moscow, Russia.
- Belyakova, E.V. (2011), "Publication of *Kormchaya* Book and the issue of changing cultural orientation", *Rossiiskaya istoriya*, no. 4, pp. 103–113.
- Beskrovnyi, L.G. (1958), *Russkaya armiya i flot v XVIII veke* [Russian army and navy in the 18th century], Voennoe izdatelstvo Ministerstva obronni Soyuzo SSR, Moscow, USSR.
- Geertz, C. (1973), *The interpretation of culture. Selected essays*, Basic Books, New York, USA.

- Gurvich, G.D. (1915), “*Pravda voli monarshei*” Feofana Prokopovicha i ee zapadnoevropeiskie istochniki [“The Truth of the Will of the Monarchs” by Feofan Prokopovich and its Western European sources], Tip. K. Mattisena, Yuriev, Russia.
- Enin, G.P. (2000), *Voevodskoe kormlenie v Rossii v XVII veke: sodержanie naseleniem uezda gosudarstvennogo organa vlasti* [Voivodship fief-office in Russia in the 17th century. Maintenance of the state authority by the population of the county], RNB, Saint Petersburg, Russia.
- Lappo-Danilevskii, A.S. (2005), *Istoriya politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya ee kultury i politiki* [The history of political ideas in Russia of the 18th century in relation to the general development of its culture and politics], Köln, Germany.
- Lotman, Yu.M. (2000), “Essays on the history of Russian culture of the 18th – early 19th centuries”, in *Iz istorii russkoi kulturi. T. 4: XVIII – nachalo XIX veka*. [From the history of Russian culture, vol. 4: 18th – early 19th century], Yaziki russkoi kulturi, Moscow, Russia.
- Marker, G. (1985), *Publishing, printing and the origins of the intellectual life in Russia, 1700–1800*, Princeton, USA.
- Perrie, M. (2021), Peter the Great as antichrist. The secular sources of an old believer compilation from Holy Scripture, *Quaestio Rossica*, vol. 9, no. 1, pp. 281–294. DOI: 15826/qr. 2021. 1.579
- Serov, D., Vidnichuk, A., Zhukovskaya, A. and Fedyukin, I. (eds.) (2023), *Pisma i bumagi pribilshchika Alekseya Kurbatova (1700–1720-e godi)* [Letters and papers of profit-maker Alexei Kurbatov (1700–1720s)], Visshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia.
- Pokrovskii, N.N. (1974), *Antifeodalnyi protest uralo-sibirskikh krestyan-starobryadtsev v XVIII veke* [Anti-feudal protest of the Ural-Siberian Old Believer peasants in the 18th century], Nauka, Novosibirsk, USSR.
- Prosina, A.B. (1969), “Apologia for absolutism in Feofan Prokopovich’s doctrine of state and law”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, no. 2, pp. 52–59.
- Redin, D.A. (2019), *Etyudi po russkoi istorii Novogo vremeni (administrativnyi i sotsialnyi aspekty)* [Etudes on the Russian history of Modern Times (administrative and social aspects)], Izdatelstvo Uralskogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.
- Serov, D.O. (2007), *Administratsiya Petra I* [Administration of Peter I], OGI, Moscow, Russia.
- Serov, D.O. and Fedorov, A.V. (2019), *Dela i sud’by sledovatelei Petra I*, [Cases and Fate of the Investigators of Peter I.], Izdatelskaya gruppa “Yurist”, Moscow, Russia.
- Shveikovskaya, E.N. (2012), *Russkii krest’yanin v dome i mire: severnaya derevnyia kontsa XVI – nachala XVIII veka* [Russian peasant at home and in the village community. Northern village of the late 16th – early 18th century], Indrik, Moscow, Russia.
- Togoeva, O. (2015), “The history of everyday life. In search of problems”, in Ed by Togoeva, O.I. (ed.), *Povsednevnye praktiki Srednevekov’ya i Novogo vremeni: ot informatsii unikal’noi k informatsii verifitsiruemoi* [Everyday practices of the

- Middle Ages and Modern Times. From unique information to verifiable information], IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 3–8.
- Vallerstain, I. (2003), *Posle liberalizma* [After liberalism], Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2022), “Life world and modes of everyday life”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 10–14.
- Zhivov, V. (2004), *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: issledovaniya i materialy* [From the Church history of the times of Peter the Great. Research and materials], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Zhuravel, O. (2022), “The art of Andrei Denisov’s sermons. Rhetorical strategies and techniques”, *Quaestio Rossica*, vol. 10, no. 4, pp. 1377–1393, DOI: 15826/qr. 2022. 4.735

Информация об авторе

Дмитрий А. Редин, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия; 620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16; volot@mail.ru

Information about the author

Dmitrii A. Redin, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia; 16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russia; volot@mail.ru